

Д. С. Лихачев как исследователь новгородских летописей

(Диссертация «Новгородские летописные своды XII века»)

Древнерусское летописание не только было первой крупной научной темой Д. С. Лихачева, но оставалось в кругу его первоочередных интересов на протяжении всей жизни. Изучение русских летописей было в значительной степени основано на классических трудах академика А. А. Шахматова (1864—1920), с которыми Д. С. Лихачев близко познакомился во второй половине 1930-х гг., когда, будучи ученым корректором Издательства Академии наук, готовил к печати шахматовскую монографию «Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв.» (М.; Л., 1938). Спустя несколько лет, в июне 1941 г. Д. С. Лихачев защитил диссертацию на степень кандидата филологических наук по теме «Новгородские летописные своды XII века».¹

В недавно опубликованной монографии Т. Ю. Фоминой дается подробное изложение основных работ Д. С. Лихачева, посвященных летописанию Новгорода,² но содержание кандидатской диссертации, остающейся до сих пор неопубликованной, приводится исследовательницей лишь по краткому изложению в автореферате 1944 г.³

Выбор темы для первой крупной научной работы Д. С. Лихачева был в значительной степени обусловлен влиянием В. Л. Комаровича.⁴ Особенно для Д. С. Лихачева была важна поездка в Новгород 1937 г.: «В Новгород мы поехали с Зиной отдыхать в мой отпуск по совету В. Л. Комаровича. Это было накануне рождения наших дочерей. Лето 1937 г. Мы наняли комнату у баронессы Тизенгаузен на самой окраине Новгорода. Из окон открывался чудный вид на Красное поле и Нередицу с колокольней на самом горизонте. Именно эту комнату нанимал перед нами Комарович».⁵ Д. С. Лихачев в своих «Воспоминаниях» свидетельствовал: «Итак, к началу войны я знал Новгород довольно хоро-

¹ Основные положения диссертации в кратком изложении опубликованы: *Лихачев Д. С.* Новгородские летописные своды XII в.: (Автореферат) // *Известия АН СССР. Отд-ние лит. и яз.* 1944. Т. 3, вып. 2—3. С. 98—106.

² *Фомина Т. Ю.* Новгородское летописание XI—XVII вв.: Отечественная историография. М., 2008. С. 68—72, 75—77, 80—82, 139—144.

³ *Фомина Т. Ю.* Новгородское летописание XI—XVII вв. С. 68—69. Также авторефератом при изложении содержания кандидатской диссертации Д. С. Лихачева ограничился и В. И. Буганов (*Буганов В. И.* Отечественная историография русского летописания: Обзор советской литературы. М., 1975. С. 167—168).

⁴ См.: *Бобров А. Г.* Д. С. Лихачев и В. Л. Комарович // *Арзамас (Нью-Йорк, США).* 2000. № 8. С. 110—113.

⁵ *Лихачев Д. С.* Воспоминания. СПб., 1997. С. 429.

шо. Нравился он мне чрезвычайно. Это повлияло и на выбор темы моей кандидатской диссертации: „Новгородские летописные своды XII в.“».⁶

Машинописный оригинал кандидатской диссертации с авторской правкой хранится в мемориальном кабинете Д. С. Лихачева в Отделе древнерусской литературы ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН. Диссертация 1941 г. до сих пор остается неопубликованной, значительная часть ее текста так или иначе была использована в последующих работах Д. С. Лихачева.⁷ В данной статье мы рассмотрим основные отличия диссертации 1941 г. от текста, представленного в основанной на ней статье 1948 г. «„Софийский временник“ и новгородский политический переворот 1136 г.».

Кандидатская диссертация Д. С. Лихачева состоит из 10 разделов:

- I. Предварительные замечания (С. 4—8);
- II. История изучения новгородских летописных сводов XII в. (С. 9—36);
- III. Установление нового политического строя в Новгороде в XII в. и новое положение в нем книжности и искусства (С. 37—88);
- IV. Новгородского свода 1167 г. не было (С. 89—103);
- V. Особенности текста Синодального списка Новгородской I летописи в пределах до 1074 г. (С. 104—131);
- VI. Княжеский свод Всеволода 1119—1135 гг. (С. 132—142);
- VII. «Софийский временник» и обстоятельства его составления (С. 143—185);
- VIII. Свод Германа Вояты (С. 186—211);
- IX. Стиль и характер новгородских летописных записей XII в. (С. 212—261);
- X. Заключение. Главнейшие выводы предыдущего исследования (С. 262—279).

Завершается диссертация списком использованной литературы.

Статья «„Софийский временник“ и новгородский политический переворот 1136 г.» наиболее полно отражает содержание центральных глав диссертации (разделы III—VII). Проследим, в какой степени Д. С. Лихачев сокращал и (или) дополнял текст своего диссертационного исследования при подготовке статьи 1948 г.

⁶ Там же. С. 430.

⁷ Материал центральных глав кандидатской диссертации в сокращенном и отчасти дополненном и исправленном виде вошел в статью: *Лихачев Д. С.* «Софийский временник» и новгородский политический переворот 1136 г. // Исторические записки. 1948. Т. 25. С. 240—265. Перепзд.: *Лихачев Д. С.* «Софийский временник» и новгородский политический переворот 1136 г. // Лихачев Д. С. Исследования по древнерусской литературе. Л., 1986. С. 154—184 (далее страницы указываются по последнему изданию). Кандидатская диссертация, как показывает сопоставление текстов, отразилась также в книге Д. С. Лихачева «Русские летописи и их культурно-историческое значение» (М.; Л., 1947; Часть II: «Повесть временных лет» — С. 145—172; Часть III: «Областное летописание XII—XIII вв.» — С. 173—288). Книга «Русские летописи и их культурно-историческое значение» в свою очередь явилась сокращенным вариантом докторской диссертации «Очерки по истории форм летописания XI—XV вв.: (Летописи как литературные произведения)», защищенной в том же 1947 г. В предисловии к докторской диссертации, сравнивая ее текст с опубликованным в книге вариантом, Д. С. Лихачев отметил: «Глава 11 „Городское летописание [летописные своды Новгорода XII и XIII вв.]“ значительно расширена. Текст ее — новый» (С. 9). Эта глава в докторской диссертации насчитывает 98 страниц (С. 448—545), а в книге «Русские летописи» — только 19. Докторская диссертация Д. С. Лихачева также не опубликована.

Первый раздел статьи, имеющий в целом историографический характер, называется «„Софийский временник“ и Начальный киево-печерский свод 1095 г.».⁸ Он начинается с той же фразы, что и диссертация («Новгородские летописи занимают в системе восстанавливаемого А. А. Шахматовым летописания центральное место» — С. 4). Но если в диссертации далее подробно рассматривается содержание работ В. Н. Татищева, П. М. Строева, Д. И. Прозоровского, И. И. Срезневского, М. П. Погодина, Н. Н. Яниша, И. П. Сенигова и А. А. Шахматова (С. 10—36), то в статье лишь кратко изложены взгляды последнего из названных авторов.

Второй раздел статьи 1948 г. озаглавлен «Установление в XII в. нового политического строя в Новгороде и роль в нем Нифонта»⁹ и в целом соответствует разделу III диссертации («Установление нового политического строя в Новгороде в XII в. и новое положение в нем книжности и искусства» — С. 37—88).

Сопоставление текстов показало, что в статье 1948 г. сокращены значительные и весьма существенные фрагменты диссертации. После фразы «XII век — это время, когда новгородцы сами держали в руках свою заморскую торговлю и когда новгородских купцов можно было встретить почти во всех торговых центрах Балтики»¹⁰ в диссертации следовал довольно обширный очерк истории «заморской» торговли Новгорода (С. 39—41; от слов «Позднее Ганза вытеснила новгородских купцов...» до слов «...мировые связи новгородской торговли»¹¹).

После слов «...ставленника киевского стола — новгородского князя»¹² в диссертации находится значительный не вошедший в статью фрагмент, посвященный отношениям новгородцев к князьям (С. 42—44; нач.: «Но у новгородского князя оказываются в Новгороде свои сторонники...», кон.: «...раздвоя вся земля русская»¹³).

После описания обвинений, предъявленных новгородцами князю Всеволоду в 1136 г.,¹⁴ в диссертации следовал обширный сокращенный в статье фрагмент текста о роли смердов и новгородских епископов в восстаниях XI—XIII вв. (С. 47—50; нач.: «Замечательно, что в перевороте 1136 г. принимают активное участие смерды...», кон.: «...помещение для ареста князя и его семьи, а возможно и стражу»¹⁵).

После слов «...право на прежние княжеские земли»¹⁶ в диссертации находится рассуждение о характере государственной власти в Новгородской республике (С. 51—54; нач.: «В данной грамоте новгородского князя Изяслава Мстиславича...», кон.: «...признаком признания нового порядка Владимиро-

⁸ Лихачев Д. С. «Софийский временник»... С. 154—155.

⁹ Там же. С. 155—166.

¹⁰ Там же. С. 157.

¹¹ В сокращенном виде этот пассаж отразился в монографии 1947 г.: Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. С. 197—198.

¹² Лихачев Д. С. «Софийский временник»... С. 157.

¹³ Этот текст сокращен и в монографии 1947 г.: Лихачев Д. С. Русские летописи... С. 198.

¹⁴ Лихачев Д. С. «Софийский временник»... С. 158.

¹⁵ Этот текст сокращен и в монографии 1947 г.: Лихачев Д. С. Русские летописи... С. 199. Далее все «избыточные» фрагменты диссертации по отношению к статье 1948 г. отсутствуют и в монографии 1947 г., за исключением специально оговоренных случаев.

¹⁶ Лихачев Д. С. «Софийский временник»... С. 159.

Суздальской Русью»). Здесь же сокращена обширная сноска, в которой приводится библиография и история изучения «Устава о десятине» (С. 54—55).

После слов «Оно [«Учение» Кирика. — А. Б.] отразилось, как это мы увидим в дальнейшем, в Новгородской I летописи под 1136 г.»¹⁷ Д. С. Лихачев сократил исторический очерк смены князей на новгородском столе за 1137—1148 гг. (С. 57—60; нач.: «События, однако, не заканчиваются на перевороте 1136 г. ...», кон.: «...а Святополка выводят “злобы его ради”»).

Важное разъяснение соотношения политических сил в середине XII в. было сокращено в статье после слов «В борьбу эту, захватившую также Германию, Чехию и Сицилию, были втянуты и русские княжества».¹⁸ В диссертации находится далее такой текст: «Союзниками Византии против Гезы Венгерского были Владимир Галицкий, владения которого граничили с Византийскими владениями, и сват его Юрий Суздальский [сноска: «Сын Владимирко был женат на дочери Юрия и гречанки»], верный традициям дома Мономаха в поддержке греческой митрополии. На стороне венгров был Изяслав Мстиславич Волынский и великий князь Киевский — Всеволод» (С. 61).

Находившееся в диссертации существенное замечание о киево-печерском игумене Федосе (после слов «разве неделя праздник»)¹⁹ также не вошло в статью: «Напомним, что именно этот Федос был автором известного слова против латинян. На основании этого слова можно предположить, что Федос втайне сочувствовал ориентации Нифонта. В самом деле: Изяслав Мстиславич, ища опоры против Константинополя, был склонен вести переговоры с Римом. Таким образом слово против Рима в данной политической обстановке было словом против Изяслава, за Константинополь. Кроме того, что очень важно для уяснения его политических взглядов, Федос был греком по происхождению» (С. 67).²⁰

Говоря об антиминсе Николо-Дворищенского собора 1149 г. после слов «...в котором Нифонт называет себя архиепископом» Д. С. Лихачев, напротив, по сравнению с текстом диссертации делает в статье вставку следующей фразы: «Антиминс этот ясно свидетельствует о том, что именно Нифонт, а не Иоанн, как это обычно принято считать, был первым новгородским архиепископом».²¹ Эта мысль в целом присутствует и в самой диссертации, но для статьи исследователь решил еще раз ее подчеркнуть и выразить более четко.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. С. 160.

¹⁹ Там же. С. 162.

²⁰ Сокращение данного фрагмента текста обусловлено учетом Д. С. Лихачевым аргументации в только что опубликованной статье И. П. Еремина (*Еремий И. П.* Литературное наследие Феодосия Печерского // ТОДРЛ. М.; Л., 1947. Т. 5. С. 160—163; там же история вопроса). Исследователь доказывал, что автор комплекса посланий, приписываемых в рукописной традиции игумену Феодосию, жил в XI в., вопреки А. А. Шахматову, предложившему атрибуцию посланий другому Феодосию, греку по происхождению, также киево-печерскому игумену, но жившему в середине XII в. Шахматовская гипотеза требует предположения, что дошедшие списки посланий ошибочно называют князя Изяслава Ярославича (киевский князь в 1054—1078 гг.) вместо современника Феодосия Грека — князя Изяслава Мстиславича (киевский князь в 1146—1154 гг.). Очевидно, что в данном случае Д. С. Лихачев под влиянием аргументации И. П. Еремина по меньшей мере усомнился в гипотезе А. А. Шахматова, сократив основанное на ней положение своего исследования.

²¹ Там же. С. 163.

Одна лишь фраза («Вместе с тем сама новгородская церковь подпала под контроль веча и устранялась от влияния на нее Киева»²²) осталась в статье от следовавшего за ней в диссертации подробного описания взаимоотношений новгородских владык с вечем и роли епископа в системе государственного управления (С. 76—79; нач.: «Так, например, в 1211 г. новгородцы низлагают...», кон.: «...господствующее положение в течение ряда веков»²³).

После слов «...епископ с этой поры усиленно покровительствует искусствам и письменности» в диссертации следовал целый очерк истории новгородской культуры XII в. и последующего времени (С. 80—88; нач.: «и в особенности, как мы это увидим в дальнейшем, летописанию. Переворот XII в. не замедлил сказаться во всех областях культурной жизни Новгорода...»), замененный в статье 1948 г. одним кратким абзацем.²⁴ Материалы этого фрагмента диссертации были использованы Д. С. Лихачевым в монографии о русских летописях²⁵ и в книге, посвященной древнему Новгороду.²⁶

Третий раздел статьи 1948 г. имеет заглавие «Княжеский свод Всеволода 1119—1135 гг.»²⁷ Он соответствует сразу трем разделам диссертации: с IV по VI (С. 89—142).

Содержание раздела IV диссертации передано в статье очень кратко, всего на двух страницах.²⁸ Сокращены обширные цитаты из трудов А. А. Шахматова, который обосновывал существование новгородского свода 1167 г. Значительный фрагмент диссертации (после слов «подвести итог всему предшествующему периоду новгородской истории»²⁹), посвященный опровержению шахматовской гипотезы о своде 1167 г., и весь раздел V «Особенности текста Синодального списка Новгородской I летописи в пределах до 1074 года» (С. 104—131) был в статье сокращен и остается неопубликованным (С. 95—131; нач.: «Итог этот и выразился в своде 1167 г. ...», кон.: «...вставки (возможно по памяти), касающиеся церкви Софии и церкви Якова»). Весь этот материал заменен в статье одним абзацем (нач.: «Установить этапы новгородского летописания...», кон.: «...с третьей редакцией Повести временных лет»³⁰).

После примеров использования в Синодальном списке известий 1107—1117 гг., восходящих к третьей редакции ПВЛ, Д. С. Лихачев в статье 1948 г.³¹ существенно переработал и дополнил соответствующий текст диссертации (С. 136—137). Усилил и уточнив аргументацию, исследователь в целом подтвердил вывод, к которому ранее пришел А. А. Шахматов: «...в начале новгородских летописей была сперва использована Повесть временных лет в третьей редакции, а затем уже в пределах до 1074 г. эта часть была изъята и заменена

²² Там же. С. 165.

²³ Этот текст кратко представлен в монографии 1947 г.: *Лихачев Д. С. Русские летописи...* С. 200 (сокращения обозначены в тексте диссертации круглыми скобками, что доказывает использование при написании монографии именно этого машинописного экземпляра работы).

²⁴ *Лихачев Д. С. «Софийский временник»...* С. 166.

²⁵ *Лихачев Д. С. Русские летописи...* С. 200—202 (сокращенный по отношению к диссертации вариант).

²⁶ *Лихачев Д. С. Новгород Великий: Очерк истории культуры Новгорода XI—XVII вв.* Л., 1945; 2-е изд.: М., 1959.

²⁷ *Лихачев Д. С. «Софийский временник»...* С. 166—174.

²⁸ Там же. С. 166—168.

²⁹ Там же. С. 168.

³⁰ Там же. С. 168—169.

текстом Начального свода».³² В самом тексте диссертации этой переработке соответствует помета рукой Д. С. Лихачева: «вставка» (С. 136).

Очевидно вынужденный уложиться в определенный объем статьи, Д. С. Лихачев сократил примеры связи третьей редакции ПВЛ с Мстиславом, старшим сыном Владимира Мономаха, выразившейся «между прочим, в усиленном интересе летописца к этому князю».³³ Вместо процитированных слов в диссертации находим конкретные указания на дополнительные известия третьей редакции ПВЛ, связанные с Мономахом и Мстиславом, включая существенные соображения о Поучении Владимира Мономаха (С. 138—141).

После слов «Для нас важен лишь самый факт связи третьей редакции Повести временных лет с новгородским князем Мстиславом и с Новгородом» в диссертации находится помета рукой Д. С. Лихачева: «сюда вставка» (С. 141).

Действительно, в статье далее читаем отсутствующий в диссертации фрагмент: «Факт этот тем более замечателен, что начало княжеского летописания и в Переяславле Русском, где также одно время княжил Мстислав, так же как и в Новгороде, связано с инициативой Мстислава, положившего в его основу третью редакцию Повести временных лет [сноска: «См.: *Приселков М. Д.* История русского летописания XI—XV вв., с. 68. Таким образом, кроме Новгорода, третья, Мстиславова, редакция Повести временных лет положена в основу летописания и тех двух других городов, где княжил Мстислав: Киева (откуда третья редакция во главе киевской летописи XII в. — см. Ипатьевскую летопись) и Переяславля Русского]».³⁴

Четвертый, последний, раздел статьи 1948 г. имсет заглавие «Пересмотр княжеского мономахского летописания и составление „Софийского временника“ при Нифонте».³⁵ В диссертации ему соответствует раздел VII «„Софийский временник“ и обстоятельства его составления»³⁶ (С. 143—185). Вся начальная часть этого раздела диссертации (С. 143—158, до слов «...должно быть отнесено ко времени до середины XIV в.») в статье сокращена и заменена на один абзац.³⁷ Между тем этот обширный и принципиально важный фрагмент диссертации, посвященный обоснованию невозможности датировки «Софийского временника» XV веком, остается неопубликованным (нет его и в монографии 1947 г.).

После слов «Яркая антикняжеская окраска предисловия позволяет А. А. Шахматову отнести его ко времени размолвки Киево-Печерского монастыря с князем Святополком (1093—1113)»³⁸ в диссертации читается обширный фрагмент о Святополке (С. 160—165; нач. «Святополка, особенно в начале его княжения, киевляне недолюбливали...», кон.: «...единством мысли и настроения. Итак мы видим, что...»³⁹).

³¹ Там же. С. 170—172.

³² Там же. С. 172.

³³ Там же.

³⁴ Там же. С. 173. В монографии 1947 г. текст диссертации о сводах Мстислава и Всеволода изложен весьма кратко: *Лихачев Д. С.* Русские летописи... С. 202—203.

³⁵ *Лихачев Д. С.* «Софийский временник»... С. 174—184.

³⁶ Рукой Д. С. Лихачева в экземпляре диссертации это заглавие исправлено на следующий вариант: «„Софийский временник“ Нифонта» (С. 143).

³⁷ *Лихачев Д. С.* «Софийский временник»... С. 174.

³⁸ Там же. С. 175.

³⁹ За исключением фрагмента на с. 162 диссертации от слов «Перейдем к вопросу о том...» до слов «...идею которого воспроизводило предисловие», вошедшего в статью (Там же. С. 175).

Сокращен в статье и абзац на с. 172 диссертации — как повторяющий уже сказанное выше (от слов «Надо сказать, что «Повесть временных лет» уже в своей первоначальной...» до слов «...перенеся ведение ее в свой Выдубицкий монастырь»).

Наиболее важные для Д. С. Лихачева соображения о роли в реформе летописания Кирика Новгородца вошли в статью почти без сокращений. Напротив, исследователь дополнил свой текст новым соображением: «Кирик не только перерабатывал и сокращал предшествующую ему летопись — кое в чем он ее и дополнял. Так, например, записи об Антониевом монастыре под 1117, 1125 и 1127 гг. вряд ли современны событиям: во всех них Антоний назван игуменом, тогда как игуменом он был поставлен Нифонтом только в 1131 г. Очевидно, что доместик Антониева монастыря Кирик присоединил к своему своду также и свои местные отметки по истории Антониева монастыря».⁴⁰ Впрочем, один аргумент Д. С. Лихачев в статье сократил: «Замечательно, что Кирик в своем хронологическом труде ссылается на то, что писал при греческом царе Иоанне и новгородском князе Святославе Ольговиче. Такое хронологическое определение своего труда по времени царствования греческого императора явилось, очевидно, у Кирика не без влияния использованного им в своем своде предисловия Начального свода, время составления которого определено в нем царствованием греческих царей Олексы и Исакия» (С. 176). Причина этого сокращения заключается в том, что Д. С. Лихачев в статье, в отличие от диссертации, принимает мнение А. А. Шахматова, что «это имена греческих императоров начала XIII в. — Алексея и Исаака Ангелов», и «имена эти были вставлены в предисловие при присоединении к „Софийскому временнику“ повести о взятии Царьграда»,⁴¹ следовательно, Кирик не мог использовать этот текст в XII в. Следует, однако, учитывать возможность отождествления «Олексы и Исакия» не с Ангелами, а с Комниными — Алексеем (1085—1118) и его братом Исааком, севастократором, и соответственно — отнесения всей фразы к первоначальному тексту Предисловия. В таком случае аргумент Д. С. Лихачева остается в силе.

Раздел VII диссертации завершается словами: «Если так, то далеко не случайно, а по сознательной воле московского „цензора“ древнейший из списков Новгородской летописи оказался начатым с насмешки по адресу новгородцев: „А вы плотници суще, а приставим вы хором рубити“» (С. 185). Следующее за этим текстом окончание статьи 1948 г. является дополнением к тексту диссертации: «Наличие такой московской цензуры в Синодальном списке может быть продемонстрировано следующим примером: под 6840 (1332) г. в Синодальном списке читается: „Иван [Калита] приде из Орды и възверже гнев на Новьгород, прося у них серебра Закамьского, и в том взя Торжек и Бежичьскыи верх за новгородскую измену“. Однако слова „за новгородскую измену“ оказываются написанными по выскобленному, а первоначально, как видно из чтений других списков Новгородской I летописи, в нем стояли слова: „через крестное целование“. Это означает, что новгородец-летописец обвинял Ивана Калиту в нарушении крестного целования; москвич же „цензор“, в руках которого побывал в конце XV или, может быть, в начале XVI в. Синодальный спи-

⁴⁰ Там же. С. 180.

⁴¹ Там же. С. 174 (сн. 57).

сок, обвинил самих новгородцев в измене, выскоблив обвинения против Кали-ты. Не тот ли самый москвич уничтожил и первые 15 тетрадей Синаодального списка?».⁴²

Наконец, завершает статью 1948 г. указание на существование еще одного раздела диссертации: «Свод, составленный Кириком, не был при Нифонте единственным. Выдающуюся роль в летописании Новгорода XII в. сыграл другой ставленник Нифонта — настоятель церкви Якова в Неревском конце Герман Воята, но его работа требует особого рассмотрения».⁴³ Здесь речь идет о разделе VIII диссертации — «Свод Германа Вояты» (С. 186—211), который также остается неопубликованным.⁴⁴

Заключительный, девятый, раздел диссертации («Стиль и характер новгородских летописных записей XII в.») (С. 212—261) в частично сокращенном, а частично дополненном виде отразился в книге 1947 г.⁴⁵

В своем диссертационном исследовании Д. С. Лихачев создал новую историю новгородского летописания XII в. Ключевое значение в этой текстологической картине раннего новгородского летописания имеют новые звенья, существование которых между предполагаемым Древним Новгородским сводом XI в. и сводами второй половины XII в. было впервые убедительно обосновано Д. С. Лихачевым: Новгородский свод Всеволода Мстиславича 1119—1132 г. и Свод Нифонта — Кирика 1136 г.

В отличие от А. А. Шахматова Д. С. Лихачев считал, что новгородские летописцы заменили текст ПВЛ в начале новгородской летописи (которую он называл «Софийским временником») текстом Начального свода не в 1167 г. или в XV в., а около 1136 г. Д. С. Лихачев пришел к выводу, что в Новгороде на смену княжеской летописи — своду Всеволода около 1136 г. приходит владычный Свод Нифонта — Кирика, поскольку в событиях этого времени исследователь видел «завязку» многих «узлов»: это и возникновение республики в Новгороде, заключавшей «ряд» с приглашенными князьями и выбиравшей архиепископа на вече, и изменение общего характера новгородского искусства и письменности; в это же время закономерно происходит общий «пересмотр установок летописания» (замена начальной части третьей редакции ПВЛ антикняжеским Киево-Печерским Начальным сводом).

Основные выводы и наблюдения, сделанные Д. С. Лихачевым в кандидатской диссертации, полностью или частично принимаются современными исследователями. Наиболее авторитетный специалист в области раннего новгородского летописания А. А. Гиппиус считает, что «относительно времени создания летописного свода, впервые соединившего материалы местного новгородского летописания с текстом Начальной летописи, доведенной до 1115 г., есть все основания принять точку зрения Д. С. Лихачева. Важнейшим аргументом, свидетельствующим, что соединение это произошло не в 1167 г., как считал А. А. Шахматов, а еще в княжеском своде начала XII в., остается новгородское добавление к извлеченному из Начальной летописи известию 6614 (1106) г. о пострижении черниговского князя Святоши, который в обоих изво-

⁴² Там же. С. 184.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Основные положения этой главы диссертации в сокращенном виде вошли в монографию 1947 г.: *Лихачев Д. С. Русские летописи...* С. 212—214.

⁴⁵ Там же. С. 208—215.

дах НПЛ упомянут как „тѣсть Всѣволожь“ (с. 19, 203). Не приходится сомневаться в том, что добавление это было сделано летописцем, работавшим при Всеволоде Мстиславиче: после изгнания (1136) и смерти (1137) Всеволода никто не стал бы пояснять имя черниговского князя начала XII в. указанием на его родственную связь с одним из прежних обладателей новгородского стола (который, заметим, за время, прошедшее от изгнания Всеволода до 1167 г., одиннадцать раз переходил из рук в руки). Скорее всего, это пояснение принадлежит самому составителю свода, выполнявшему заказ Всеволода». ⁴⁶

По поводу другого впервые выявленного Д. С. Лихачевым этапа в истории новгородского летописания тот же исследователь пишет: «Предполагаемый Д. С. Лихачевым механизм превращения софийской летописи из княжеской во владычную в связи с изменением статуса св. Софии кажется вполне правдоподобным. Оправдано и отнесение этого преобразования к 30-м гг. XII в. Действительно, если в статье 6638 (1130) г. еще чувствуется рука княжеского летописца, то уже через шесть лет, в статье 6644 (1136) г. в летописи обнаруживает свою редкостную календарно-астрономическую осведомленность Кирик — автор „Учения о числах“ и приближенный епископа Нифонта». ⁴⁷

Признает А. А. Гиппиус и то, что А. А. Шахматов ошибался, «связывая создание „свода 1167 г.“ с учреждением новгородской архиепископии: рукоположенный в 1165 г. Илья-Иоанн не был, как это теперь ясно, первым новгородским архиепископом. Эти справедливо отмеченные Д. С. Лихачевым ошибки А. А. Шахматова стали причиной того, что „свод 1167 г.“ незаметно сошел со страниц литературы, посвященной новгородскому летописанию. В работах последних десятилетий, затрагивающих проблемы текстологии НПЛ (М. Х. Алешковский, В. Л. Янин, Н. Н. Подвигина, Б. М. Клосс, В. Водов), этот некогда широко обсуждавшийся этап в развитии новгородского летописания даже не упоминается». ⁴⁸

В то же время А. А. Гиппиус полагает, что переход княжеского летописания в руки новгородского владыки мог произойти не в 1136 г., а в 1132-м, когда новгородцы с союзниками уже выгоняли из Новгорода князя Всеволода, но через недолгое время позвали обратно. ⁴⁹ По мнению исследователя, не обязательно точно датировать изменение статуса новгородской летописи 1136 г., поскольку, как показали новейшие исторические исследования, восстание 1136 г. вовсе не породило одновременно тех норм республиканской жизни, возникновение которых обычно связывают с ним. Начало формирования органов республиканского управления Новгорода датируется временем княжения Мстислава Владимировича, а окончательное их сложение происходило долгое время спустя после восстания 1136 г. Действительно, В. Л. Яниным было уточнено, что принцип «вольности в князьях» восторжествовал не сразу и что изгнание Всеволода и приглашение Святослава в 1136 г. было лишь этапом на пути трансформации княжеского правления в республиканское. Этот процесс трансформации продолжался с конца XI до XIII в., но необходимо признать, что смена летом 1136 г. на новгородском столе Мономаховича на Ольговича

⁴⁶ Гиппиус А. А. К истории сложения текста Новгородской Первой летописи // Новгородский исторический сборник. СПб., 1997. Вып. 6 (16). С. 39—40.

⁴⁷ Там же. С. 40—41.

⁴⁸ Там же. С. 41.

⁴⁹ Там же. С. 41—42.

все же явилась ярким и бескомпромиссным примером реализации принципа «вольности в князьях», который именно в этом году, по словам самого В. Л. Янина, «окончательно восторжествовал». ⁵⁰ Предполагая, что «рубеж, отделяющий княжескую летопись от владычной», проходит по статье 1132 г., а не 1136-го, А. А. Гиппиус в то же время не отвергает в принципе возможности того, что в статье 1132 г. проявилась, как полагал Д. С. Лихачев, редакция, которой подверглась летопись при составлении «Софийского временника» в 1136 г.

По мнению А. А. Гиппиуса, вклад Кирика Новгородца в реформу летописания был не столь велик, как думал Д. С. Лихачев, поскольку, вслед за М. Х. Алешковским, ⁵¹ он считает, что замены ПВЛ на Начальный свод вообще не было и что в новгородском летописании с начала XII в. уже находился Киево-Печерский свод 1090-х гг. с продолжением до 1115 г. В то же время исследователь признает, что переход от княжеского свода к владычному осуществил именно Кирик Новгородец. ⁵²

Впервые о Кирике как о летописце заговорил еще А. А. Шахматов. В работе 1908 г. «Разыскания о древнейших русских летописных сводах» он посвятил один из параграфов обоснованию предположения, что Кирик был причастен к созданию годовых статей 6644/1136 и 6645/1137 гг. НЛст. Исследователь обратил внимание на запись 6644/1136 г. в НЛст.: «Въ то же лѣто приде Новугороду князь Святославъ Олговиць ис Цернигова, от брата Всеволодка, мѣсяца июля въ 19, преже 14 каланда августа, въ недѣлю, на сборъ святыя Еуфимие, въ 3 час дне, а луне небеснѣи въ 19 день. Томъ же лѣтѣ, наставъшию индикта 15, убиша Гюргя Жирославиця и съ моста съвергоша...». ⁵³

Аргументы А. А. Шахматова в пользу гипотезы об авторстве Кирика таковы:

- 1) хронологическое совпадение записи 6644/1136 г. Новгородской первой летописи со временем, «когда Кирик писал свое Учение»;
- 2) сложность календарного счета в летописной статье и в сочинении Кирика (счет календами, лунный день);
- 3) трехкратное упоминание «индиктов» в летописных статьях 1136—1137 гг. при том, что «до этого 6644 г. индикты в Новгородской 1-й не обозначаются», а в следующий раз индикты упоминаются только под 6676/1168 г.

На основании этих наблюдений А. А. Шахматов, завершая свой краткий анализ текста НЛст. под 6644/1136 и 6645/1137 гг., задается вопросом: «Не следует ли из этого, что Кирику принадлежали во владычном своде только записи 6644 и 6645 гг.?». ⁵⁴

Позже Е. Ю. Перфецкий предположил, что Кирик писал и обрабатывал новгородскую летопись на протяжении не только двух лет, как думал А. А. Шахматов, а на протяжении 1130—1160-х гг. ⁵⁵

⁵⁰ Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 2003. С. 88—106.

⁵¹ Алешковский М. Х. Повесть временных лет : Судьба литературного произведения в Древней Руси. М., 1971. С. 25—31.

⁵² Гиппиус А. А. К истории сложения текста... С. 40—41.

⁵³ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 24.

⁵⁴ Шахматов А. А. История русского летописания. СПб., 2002. Т. 1, кн. 1. С. 137—138.

⁵⁵ Перфецкий Е. Ю. Русские летописные своды и их взаимоотношения. Братислава, 1922. С. 68—69.

Д. С. Лихачев вслед за А. А. Шахматовым обратил особое внимание на то, что, описывая приход в Новгород князя Святослава Ольговича, летописец использовал необычные хронологические указания, причем именно при описании прихода в Новгород первого приглашенного князя после политического переворота 1136 г. В этом летописце ученый, так же как и А. А. Шахматов, видел Кирика, уставщика Антониева монастыря, и полагал, что именно он, автор написанного в том же 1136 г. подготовительного для ведения летописания труда — «Учения им же ведати числа всех лет», — такой точностью и подробностью датировки подчеркивал начало новой эры в жизни Новгорода.

Д. С. Лихачев предложил новые аргументы и соображения в пользу авторства Кирика Новгородца. Для исследователя существенными факторами представляются:

- 1) установление факта перехода ведения новгородского летописания от князя к владыке около 1136 г.;
- 2) объяснение этого перехода изменениями в государственном управлении Новгорода в те же годы;
- 3) синхронные перемены в новгородском искусстве.

Свод, составленный Кириком Новгородцем, по мнению Д. С. Лихачева, лег в основу новгородского летописания, а также дал «толчок» к возникновению летописи Святослава Ольговича, отца будущего главного героя «Слова о полку Игореве», и его сына Игоря Святославича, и именно с таким текстом впоследствии был знаком автор «Слова». Доказательство участия Кирика Новгородца в реформе новгородского летописания, выявление связи его календарно-математических работ с появлением в летописи «точных дат» — это настоящее открытие Д. С. Лихачева, которое он сам ценил очень высоко. Существует записка Д. С. Лихачева, датированная 1996 г.: «В т. 25 Исторических записок очень важно о матем[атическом] труде Кирика, как подготовке к летописанию Софии, и это получило отражение в летописи (Новг[ородская] I мл[адшего] изв[ода]) — торжеств[енное] начало и новое летописание по индиктам. Я считаю у себя эту роль Кирика — самым важным открытием. Д[митрий] Л[ихачев]».⁵⁶

Эта запись свидетельствует о том, что первая крупная научная работа во многом определяет дальнейшую судьбу исследователя и, более того, навсегда остается в памяти как самая дорогая и ценная. Подобно тому как исследования А. А. Шахматова во многом основаны на его раннем открытии первичности текста новгородских летописей по отношению к ПВЛ, сделанное Д. С. Лихачевым в молодые годы открытие развивалось в его научном творчестве: в работах по истории и культуре Новгорода, по летописанию, по истории древнерусской литературы в целом.

В пользу вывода Д. С. Лихачева о роли Кирика в реформе летописания могут быть высказаны некоторые дополнительные соображения. В статье 6644/1136 г. впервые в русском летописании церковным по происхождению индиктом датируется не сакральное событие истории (например, перенесение мощей святых или торжественное вокняжение), а бурные события текущей политической жизни. Такое необычное отношение к употреблению термина «ин-

⁵⁶ Фотовоспроизведение см. на вклейке в изд.: Русские летописи XI—XVI веков: Избранное / Сост. А. Г. Бобров. СПб.: Амфора, 2006.

дикт» мы видим в статье 6644/1136 г. («Томъ же лѣтъ наставъшю индикту 15»), когда сообщается об убийстве «Гюргя Жирославица», а также в статье 6645/1137 г., индикт 15, где говорится о переходе посадника Константина на сторону князя Всеволода. Далее в НЛст. следует перерыв более чем в тридцать лет, и индикт появляется вновь только при описании вокняжений — в статьях 6676/1168 г. (приглашение князя Романа Мстиславича) и 6686/1178 г. (смерть князя Мстислава Ростиславича, вокняжение его брата Ярополка), и после того индикты вновь исчезают и появляются только в дополнительных записях Синодального списка НЛст. второй четверти XIV в.

Таким образом, датировка по индиктам в раннем новгородском летописании была достаточно редкой.⁵⁷ Трехкратное и столь своеобразное упоминание «индикта» в двух годовых статьях 1136 и 1137 гг. именно на фоне исключительной редкости таких упоминаний в новгородском летописании убеждает в том, что вопреки сомнениям некоторых исследователей эти статьи писал Кирик Новгородец, автор «Учения о числах» 1136 г., в котором находился целый раздел, посвященный индиктам.

О тождестве летописца и Кирика Новгородца также говорят и другие аргументы «единиц времени»: использование в статье 1136 г. указания на точный час описываемого события (редкие в старшем изводе, все указания такого рода в НЛмл. были сокращены как избыточные); указание в летописной статье «лунного дня», подробно рассмотренного Кириком; уникальное для раннего летописания использование хронологического термина «каланда». Интерес к единицам измерения времени, в том числе необычным, и схожее использование их обозначений свидетельствуют в пользу отождествления летописца и автора «Учения о числах».

Таким образом, у истоков официального владычного летописания Новгородской республики, как доказал Д. С. Лихачев, лежит труд монастырского книжника, уставщика Антониевой Рождества Богородицы обители Кирика Новгородца. Ему по меньшей мере принадлежат статьи НЛст. о бурных политических событиях 1136—1137 гг.

Наконец, следует рассмотреть отмеченную Д. С. Лихачевым замену слов «чересь крестное целование» (в НЛмл.) на другое чтение — «за новгородскую измену» (НЛст., Синодальный список: л. 167, строки 17—18). Чтение Синодального списка безусловно вторично, поскольку слова написаны по выскобленному тексту. Д. С. Лихачев увидел в произведенной замене работу московского «цензора» конца XV—начала XVI в., но позже А. Н. Насонов, издавший НЛ, отметил, что эта правка была произведена прежде, чем на обороте того же листа был написан текст известия 6845 г.⁵⁸

В. Водов, развивая наблюдение А. Н. Насонова, пришел к выводу, что слова «за новгородскую измену» были вписаны не в XV в., а значительно раньше (до того, как был написан текст известия 6845/1337 г. на обороте того же листа, поскольку между частями слова: «архи» и «мандрита» оставлено место,

⁵⁷ В семи из восьми случаях упоминание «индиктов» в НЛст. оказалось сокращенным в НЛмл., в которой есть только два случая упоминания индиктов, и оба — в известиях о торжественных церковных событиях: 2 мая 6623/1115 г., индикта 8 — перенесение мощей Бориса и Глеба (есть и в НЛст.); 6842/1334 г., индикта 2 — поездка новгородского архиепископа Василия Калики к митрополиту во Владимир.

⁵⁸ Новгородская первая летопись... С. 99.

испорченное скоблением на лицевой стороне листа в тексте известия 6840/1332 г.). Исследователь заключил, что в этой тенденциозной правке летописного текста отразилась борьба двух политических партий в Великом Новгороде 30-х гг. XIV в.⁵⁹ Из этого наблюдения В. Водова А. А. Гиппиус делает важный текстологический вывод: при создании в XV в. оригинала НЛМл. был использован текст не самого Синодального списка (уже к тому времени исправленный), а его источника.⁶⁰ Эту точку зрения поддержали многие исследователи, в том числе и автор настоящей статьи.

Недавно, однако, московский ученый А. В. Севальнев сделал доклад «Когда и кем было исправлено известие Синодального списка Новгородской I летописи о взятии Иваном Калитой Торжка и Бежецкого Верха? : (К вопросу о практической палеографии средневековья)», в котором убедительно показал, что находящееся в Синодальном списке на обороте л. 167 известие 6845/1337 г. было вписано другим (хотя и средневековым) почерком на оставшейся свободной от текста нижней части листа.⁶¹ «Создается впечатление, — считает А. В. Севальнев, — что редактор вовсе и не хотел скрывать следов редактирования, напротив, стремился показать, что текст был изменен, более того — изменен новгородцем и именно во второй четверти XIV века». ⁶² По мнению исследователя, «манера письма статьи 6845 года и характер ее расположения в рукописи указывает на то, что написана она уже после того, как на следующем листе была написана статья 6853 года. Почерк статьи 6845 года более мелкий, а текст написан значительно плотнее, чем предыдущий и последующий. Создается впечатление, что писец старался втиснуть свой текст в оставленном на листе пространстве, и как будто не имел возможности перейти на следующий лист. Если принять во внимание, что пергамен в месте написания статьи 6845 года был поврежден выскабливанием, то стремление написать текст именно на этом листе можно объяснить только лишь тем, что следующий лист уже был занят статьей 6853 года. Таким образом, у нас нет достаточных оснований утверждать, что текст статьи 6845 года написан около 1337 года, более того имеются основания полагать, что статья эта вписана после 1345 года, и, по всей видимости, значительно после». ⁶³ Следовательно, место между буквами «и» и «м» в слове «архимандрита» было оставлено не в 1337 г., а позже, скорее всего в XV в., как и считал Д. С. Лихачев.⁶⁴

⁵⁹ *Vodoff W.* Quelques remarques sur la premiere chronique de Novgorod // *Studia slavica mediaevalia et humanistica* Riccardo Picchio dictate. Roma, 1986. P. 741—753.

⁶⁰ *Гиппиус А. А.* К истории сложения текста... С. 18.

⁶¹ XVIII научная конференция «Вспомогательные исторические дисциплины: Классическое наследие и новые направления» памяти Елены Ивановны Каменцевой. 26—28 января 2006 г. Москва. Историко-архивный институт РГГУ. Кафедра источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин. Тезисное изложение исследования см.: *Севальнев А. В.* Когда и кем было исправлено известие Синодального списка Новгородской I летописи о взятии Иваном Калитой Торжка и Бежецкого Верха?: (К вопросу о практической палеографии средневековья) // Вспомогательные исторические дисциплины: Классическое наследие и новые направления: Материалы 18-й науч. конф. Москва, 26—28 января 2006 г.: Памяти Е. И. Каменцевой. М., 2006. С. 366—369.

⁶² Там же. С. 368.

⁶³ Там же. С. 368—369.

⁶⁴ А. В. Севальнев, на наш взгляд, небезосновательно предположил причастность к созданию фальсификации московского дьяка середины — второй половины XV в. Стефана Бородатого (Там же. С. 369). В один ряд с этим примером средневековой фальсификации текста должна

Подводя итоги краткого обзора исследования Д. С. Лихачева в сравнении с опубликованным текстом основанной на нем статьи, можно сделать вывод, что кандидатская диссертация «Новгородские летописные своды XII века» отнюдь не устарела и не потеряла своего научного значения. Обусловленные, скорее всего, ограниченным объемом статьи в «Исторических записках» сокращения касаются в целом ряде случаев важных для понимания научной концепции Д. С. Лихачева фрагментов текста. В монографию 1947 г. положения диссертации также были включены в существенно сокращенном виде, хотя в отдельных случаях здесь сохранились отсутствующие в статье фрагменты текста. Комментированное издание кандидатской диссертации с учетом ее отличий от опубликованных работ Д. С. Лихачева и с привлечением исследований последующего времени представляется важным и целесообразным как для истории древнерусского летописания, так и для изучения истории научной мысли.

быть поставлена подложная юрьевская запись XIV—XV вв. на рукописи РНБ, собр. М. Н. Погодина, № 716 (см.: *Бобров А. Г.* Монастырские книжные центры Новгородской республики // *Книжные центры Древней Руси: Севернорусские монастыри.* СПб., 2001. С. 17—21).